

Российская Православная Церковь

СУЗДАЛЬСКИЙ ПАЛОМНИК

№ 7

Царьконстантиновский собор
г. Суздаль

1991 г.

ОБРАЩЕНИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО МИТРОПОЛИТА ВИТАЛИЯ ПЕРВОИЕРАРХА РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КО ВСЕМ РУССКИМ ЛЮДЯМ В РОССИИ

Дорогие русские люди, мужчины и женщины, дети, все. Сейчас время очень серьезное. Мы как бы стоим на лезвии ножа. Господь требует от нас большого внутреннего напряжения. Нам нужно снова обрести молитву. Молящееся русское сердце все создало. Русское молящееся сердце создало русскую культуру. Теперь перед Вами стоит задача снова научиться молиться по-настоящему, от всего сердца. И тогда Вы увидите много чудесного в Вашей жизни, Вы увидите, как все будет совершенно претворяться перед Вами. Я Вам не предлагаю никакие политические программы — это не мое дело. Какие-то политические программы само собой будут. Помните слова Евангельские: «Ищите прежде всего Царствие Божие, и все остальное приложится вам». Это сказал Спаситель, Христос. Это истинные слова. Итак, нужно снова научиться молиться. Мы отучились молиться. Я получаю сотни писем из России, и многие пишут, что они не знают, как молиться. А ведь не было в России ни одного города, ни одного села, чтобы не было своего проповедника. Россия была вся в руках праведности. Нам нужно вернуться к этому. Это наш священный долг. Тогда и будет Святая Русь.

Все мы совсем не святые, мы грешники все. Но у русского народа есть замечательное свойство — это умение каяться. Помните песню «Жили двенадцать разбойников...»? Это чудная песня. Она характеризует весь русский народ.

Вдруг у разбойника лютото
Совесть Господь пробудил.
Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить.
Сам Кудеяр в монастырь пошел
Богу и людям служить.

Не все, конечно, пойдут в монастырь Богу и людям служить, но все должны стать на подвиг молитвы. И тогда Россия будет спасена. Тогда никакие силы ничего с нами не смогут сделать, потому что когда Господь прикажет своему Ангельскому воинству, чтобы это было так — это будет так. Это наш настоящий путь к спасению, поверьте мне.

Господь дал нам такую богатую землю, шестую часть земной

суши. Для чего нам Господь дал? Для того, чтобы инстиндную веру христианскую распространили. У каждого народа есть чему поучиться. У нашего народа можно поучиться духовности. Наш чудный непревзойденный русский язык, он одухотворенный язык. Есть слова, которые перевести нельзя ни на какой язык. Как Вы скажете на другом языке «сокрушение»? — Не скажете, нет такого слова, а если найдете, то это будет не то. Или, например, «соборность». Знаете, что эти слова перешли в интернациональный богословский лексикон? Русский язык дал новые слова именно духовные потому, что было что назвать. Если у вас нет сокрушения, мы его и не назовем. Почему мы назвали? — Потому что у нас есть сокрушение, у нас есть покаяние. Вот в этом слова русского народа. И мы надеемся на возрождение России. Мы молимся об этом ежедневно. И мы убеждены, что это будет. Мы верим в это.

(обращение сделано в августе 1990 г. в Монреале, в Канаде, на шестом Всезарубежном съезде русской православной молодежи) — Ред.)

27 МАЯ 1991 Г. СУЗДАЛЬСКОЕ РАДИО ПЕРЕДАЛО ИНТЕРВЬЮ С УПРАВЛЯЮЩИМ ДЕЛАМИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СВОБОДНОЙ ЦЕРКВИ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИМ ВАЛЕНТИНОМ, ЕПИСКОПОМ СУЗДАЛЬСКИМ И ВЛАДИМИРСКИМ.

Владыке были предложены следующие вопросы:

1. Что стало причиной, Вашего перехода под юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей?
2. Сколько общин в настоящее время в составе РПСЦ? Каковы их отношения с местными властями?
3. Около полугода решается вопрос о регистрации Устава Суздальского Епархиального Управления в Министерстве юстиции РСФСР. В чем причина столь длительной задержки?

Ответы Преосвященного Валентина, Епископа Суздальского и Владимирского, публикуются ниже:

Прежде, чем ответить на Ваш вопрос о причине нашего перехода под юрисдикцию Русской Православной Зарубежной Церкви, мне хотелось бы сказать, что я прослужил более 30 лет Церкви Божией верой и правдой, ибо детство и ранняя юность прошли среди верующих — так называемых «тихоновцев», т. е. в Катакомбной Церкви.

То воспитание, которое я получил от этих простых религиозных людей, помогло мне в честном, как мне кажется, и скромном труде

в Московской патриархии, где мне приходилось конфликтовать не с Архидереями Божиими а с удельными князьками, называющимися «правлящими епископами», которые зачастую действовали во вред самой Церкви, стремясь всегда угодить сильному миру сего, подавляя здоровые мысли и силы религиозного народа.

Иерархию Московского патриархата парализовала коррупция и симония, пренебрежительное отношение к простым религиозным людям, постоянные переводы духовенства с прихода на приход — все это является ярким доказательством — кому и чему они служат. Сознавая далеко не христианские поступки иерархов Московской патриархии, каждый честный человек приходит к мысли не в пользу администрации патриархии.

Если в 1927 г. Митрополит Сергей своей Декларацией сделал по сути дела предательство интересов Церкви то от меня требовал сделать такой же шаг Священный Синод Московской патриархии по отношению к Суздальской общине. На Синоде митрополит Смоленский Кирилл требовал написать письменное отречение от верующих, с которыми я прожил 17 лет, отказаться от Суздальской церкви и выполнить послушание епископа Валентина Мищука, которое сводилось к тому, что я должен заниматься доносительством на иностранных гостей, посещающих Суздальский приход, или перейти в другой храм, куда иностранцам вход запрещен, а свое место уступить священнику Дмитрию Нецветаеву, занявшему кресло секретаря епархии и возглавляющего ныне офис по приему иностранных гостей.

Взять жребий Иуды мне не позволила совесть, и поэтому я решил возвратиться к тем, кто заложил мне основу духовной жизни, возвратиться к тем, кто жил по совести и чести.

2. Что касается Вашего второго вопроса о количестве общин в настоящее время Русской Православной Зарубежной Церкви в России и каковы отношения у них с местной властью, могу сказать, что этот вопрос архисложный, ибо с 1927 г. и до сегодняшнего дня действует Катакомбная Церковь, которая находится под омофором Первоиерарха Зарубежной Церкви Митрополита Виталия, их очень много, но в то же время их нет, ибо эта Церковь — катакомбная, не подлежащая учету и огласке, пока у кормила находятся узурпаторы.

О приходах, легально перешедших под юрисдикцию Зарубежной Церкви: их около 20-ти и почти столько же ждут своего решения.

Отношение властей, местных — да и центральных — к духовенству, дерзнувшему покинуть Московскую патриархию, крайне негативное. Они говорят, что Зарубежная Церковь — это Церковь антисоветская, и поэтому всячески поддерживают Московскую патриархию. Им предоставляются храмы, мгновенно регистрируют Ус-

тав и передают из музеев церковную утварь. Я же не могу добиться помещения для воскресной школы и дети, а их более двухсот человек, сидя на полу изучают Закон Божий, делая записи в тетрадах на коленях или на спинах друг у друга. И все это творится в так называемом правовом государстве.

3. С октября месяца 1990 г. мы не можем зарегистрировать свой Епархиальный Устав. Причины разные — вплоть до того, что не там поставлена запятая. Несколько раз документы возвращались на «переработку» на «доработку», на «экспертизу» — и опять все по новому. От нас требуют подгона своего Устава под Устав Московского патриархата. Мы в конце не соглашаемся. Сотрудник Министерства юстиции РСФСР Кудрявцев Александр Ильич собственноручно написал Устав и передал нам, чтобы мы подписали его, но и здесь мы были не согласны и настаиваем зарегистрировать тот Устав, который существует в нашей Церкви, по которому мы должны не только по закону, но и по совести жить и трудиться. Александр Ильич Кудрявцев настоятельно требует, чтобы мы назывались зарубежниками, что наша Церковь является Церковью Заграницей. Мы объясняем, что мы живем и служим не за границей, а на родной нам Руси, и просим зарегистрировать наш Устав как Устав Российской Православной Церкви и тем самым вернуть ей ее подлинное именованье, измененное в 1943 г. по указке Сталина в Русскую Православную Церковь.

Наша Российская Православная Церковь никогда не покидала Россию и постоянно пребывает на своей канонической территории, но Министерство юстиции категорически против и всячески старается повесить нам ярлык отказников, зарубежных и прочее.

Удивительно то, что сами создают закон и сами его нарушают. Создали закон о регистрации, а когда документы были поданы, сами отказываются от регистрации под самыми невероятными предлогами. Видимо не сознают, что мы можем молиться и без регистрации Устава, а если подали, то только потому, что не хотим быть нарушителями закона, но коли они сами подают пример, то нам ничего не остается делать, как продолжать свое существование, т. е. существование людей второго, а может быть и третьего сорта.

Все-таки надеюсь, разум должен восторжествовать, и те препоны которые ставятся чиновниками, со временем, с Божьей помощью, отойдут в небитые, как позорная и недостойная затея против своих же сограждан.

4/17 ИЮЛЯ. РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ЧТИТ ПАМЯТЬ И МОЛИТВЕННО ЧЕСТВУЕТ СВЯТЫХ ЦАР-
СТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ И СТРАСТОТЕРПЦЕВ — Царя Му-

ченика Николая, Царицы-Мученицы Александры, Царевича-Мученика Алексея, Царевен-Мучениц: Ольги, Татианы, Марии и Анастасии и ниже с ними убиенных.

Лишь через 38 лет после мученической кончины Царственных Святых миру стали известны подробности этого кровавого события, потрясшего Россию в 1918 году. Подавляющее же большинство русских людей в самой России до недавнего времени имело возможность пользоваться лишь теми лживыми и искаженными сведениями, которые давала о расстреле Святых коммунистическая пропаганда, пытавшаяся представить кровавую баню как историческую необходимость и «возмездие» классовому врагу. Крупные советские писатели и журналисты не стыдились участвовать в этом обмане общественного сознания собственного народа.

Еще во время гражданской войны защитники Православной России дерзновенно призывали Царскую Семью на помощь и получали по вере своей. Вот один из таких случаев:

Сотня казаков, потеряв связь с обозом и войском, оказалась в окружении красных среди болот. Священник о. Илия призвал всех к молитве, говоря: «Сегодня день памяти нашего Царя-Мученика. Сын его, отрок Алексей-Царевич, был войск казачьих Атаманом почетным. Попросим их, чтобы ходатайствовали они перед Господом о спасении христоролюбивого воинства казачьего». И о. Илия отслужил молебен Мученику Николаю, Государю Российскому, Наследнику его отроку Алексею-Царевичу, христоролюбивых войск казачьих Атаману, благоверной Царице-Мученице Александре и чадам ее Царевнам-Мученицам. На возражение, что эти святые мученики еще не прославлены и чудеса от них еще не явлены, отец Илия возразил: «А вот молитвами их и выйдем... А вот и прославлены они... Сами слышали, как народ прославил их... А вот и покажет нам путь святой отрок Алексей-Царевич... А вот не видите вы гнева Божия на Россию за неповинную кровь их...». Сотня и обоз из окружения вышли чудесным открытием о. Ильи. Шли и по колену и по пояс, проваливались по шее... Лошади вязли, выскакивали, опять шли. Никто ничего не говорил, лошади не ржали... и вышли прямо на ту сторону болота, угол которого занимали казаки, сдерживающие обходное движение красных, прямо в середину своих. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем.

Святые Царственные Мученицы, молитесь Бога о нас!

ПОСТРАДАВШИЕ ОТ СЛУГ АНТИХРИСТА ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ

воспоминания монахини Катакомбной Церкви
(в тексте сохраняется язык и орфография оригинала)

Игуменья мать Ангелина родилась в городе Яранске Вятской губернии. Дочь купца Рощина Федора Яковлевича. Федор Яковлевич был бедным крестьянином, начал торговать мелким товаром, ходить с товаром по домам, с маленьким ящиком, нося в руках. Жена его померла рано молодая, осталась дочка Аннушка двухлетняя жить сироткой без мамы. Федор Яковлевич остался жить вдовцом всю жизнь и продолжал торговать своим товаром.

В недолгое время Рощин стал купцом. Так благоволил Бог Рощину обогатиться и быть знаменитым Яранским купцом. Федор Яковлевич был богобоязненным, в воскресные и праздничные дни ходил всегда в храм Божий и сидящих у храма нищих всех оделял копеечками. Окружающих жителей удивляло как в короткое время обогатился Рощин. А потом стал строить храм для монастыря, и собралось немало число инокинь, к тому подросла его дочка Анна, ей 18 лет. Он ее привел в монастырь для служения Богу. В скором времени она приняла иноческий чин, а потом монашеский и поставлена игуменьей монастыря, мать игуменья Ангелина. Федор Яковлевич посещал монастырь в воскресные и праздничные дни. Так же оделял нищих всех копеечками, а в праздничные дни для приходящих паломников на его издержки трапеза всегда была. Не долгое это мирное время житья было отдавшим себя на служение Богу. Но Господь дал жизнь иную. Распахнулись двери тюрьмы и напевы другие сменились. Крик и ругань и грохот замка. Которых сразу посажали, а матушка игуменья со своей послушницей удалились на ее родину в деревню Исаковски. И один крестьянин в своем огороде построил им келию, но и тут безбожные властители не дали им пожить. В 1930 г. арестовали их обоих с послушницей Прасковей Андреевной Чащиной. Матушка игуменья проживши около двух лет скончалась в тюрьме, а послушница Парасковья отбывши в тюрьме пять лет, отправили в ссылку в город Сызрань на вольное поселение. В Сызране тогда был страшный голод. По возвращении она рассказывала, что на помойках искали картофельные очистки и ели тут же сырые. Изнемогшие от голода валялись на улицах. На проходящих мимо их они смотрели и шептали от изнеможения: «дай дай дай». И проходящие имеющие хлеб дадут. Он съест и поднимает голову, пытается встать, но не наберет силы чтобы встать и снова падает.

А послушница Паша жила у одних в прислугах по милости

Божией осталась в живых и пришла в свою родную деревню к этому же благодетелю. Он устроил ей из бани келью, где она и скончалась. Отошла туда, где нет болезни и печали.

Где она жила на огороде в келье хозяйка ее видела во сне и спросила: «Пашинька, как ты живешь?» Она ей ответила: «Хорошо живу». «А как матушка Ангелина живет?» «А матушка наша живет в таком свете, что я тебе не смогу выразить в каком райском блаженстве».

А Рощина Ф. Я. раззорили до основания и посадили в тюрьму, там скончался, но я не могу сказать в каком году посадили и в каком скончался. А м. Ангелина была тиха кротка смиренна любвеобильна ко всем, всегда старалась угождать своей послушнице, голос ее всегда был тих, спокойный. Я у них находилась неделями, и она к нам приезжала гостила, учила меня читать, писать, считать, и я в первом классе не училась, а сразу во второй пошла.

(Записано в 1991 г. — Ред. «Сузд. паломника»).

ПО НЕИЗРЕЧЕННОМУ ПРОМЫСЛУ БОЖИЮ, ПАМЯТЬ СВВ. ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ (4/17 июля) совпадает с днем обретения мощей Преподобного Евфимия, архимандрита Суздальского и всея России чудотворца и в этот же день — память другого святого Суздальской земли — благоверного Князя Андрея Боголюбского, принявшего мученическую кончину.

Если в этом совпадении многие усматривают указание на особенную связь Новомучеников со страной Суздальской, то об отношении Московской патриархии к этому дню можно, вероятно, узнать из Информационного бюллетеня ОВЦС Московского патриархата, № 24, датированный днем 17 июля. В нем, правда нет ни слова о Царственных мучениках, но есть хроника внешних контактов (экуменических) и новый Устав, Епархиальный и Приходской, «спущенный» на подопечных патриархии «начальством». Как видно, не случайно Уставы попали в номер от 17 июля. Ведь МП не чтит Святых Новомучеников и Исповедников Российских, считая их «политическими преступниками и антисоветчиками», а чтит-то их Православная Церковь Российская! А новый Устав МП, очевидно, сочинен для того, чтобы предотвратить переход общин МП с храмами в лоно Истинной Церкви. Вот этот образчик патриархийного крючкотворства, сразу вызвавший резко отрицательную оценку у наиболее думающей части духовенства МП: п. 27 Приходского Устава. «Здания, сооружения, предметы культа,

объекты социального, благотворительного и хозяйственного назначения, денежные средства, литература, иное имущество, приобретенное приходом... является достоянием всей Русской Православной Церкви (Московского патриархата), как посвященное Богу». Видите как — посвящено Богу, а принадлежит Московскому патриархату, а не приходу, который все это приобрел. «Начальству», конечно так удобнее, ведь имуществом оно распоряжаться умеет неплохо, судя по их роскошным дачам, а приходы без имущества — те же пролетарии, которыми легче управлять, в соответствии с классовой идеологией и «богословием революции», которое признает идеалы коммунизма идеалами христианства. Но подлинная глубина премудрости патриархийных крепостников раскрывается в п. 30 цитируемого Устава: «Приход, как субъект гражданского права, самостоятельно отвечает по своим обязательствам». Т. Е., говоря по-просту — деньги наши, долги — ваши. Или: деньги принадлежат Богу, а точнее — группе высокопоставленного духовенства патриархии, а вот долги и обязательства по платежам — принадлежат верующим. Кажется, это новое слово в истории не только Церкви, но и «первого в мире государства рабочих и крестьян». До сих пор собственность все-таки, хоть на словах, была «общенародной», а в последнее время даже приватизируется в собственность работающих на данном предприятии. Факт остается фактом: несмотря на общий кризис идеологии социализма Московская патриархия остается ее последним, не сдающимся бастионом.

(Соб. корр.)

БЕСЕДЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В РОССИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА БЕСЕДА ВТОРАЯ

В первой беседе речь шла о периоде до 1923 г.

До 1917 г. в России было почти 300 епархиальных архиереев, около 300 тысяч священнослужителей, 80 тысяч православных храмов и часовен, 4 духовных академии, 58 семинарий, 1250 монастырей и более 4 тыс. молитвенных домов. Только до начала 1919 г. убито 18 архиереев. К концу этого года из 100 тысяч приходских священников в живых осталось только 40 тысяч. Оскверняются сотни храмов, повсеместно закрываются монастыри. В Москве Ново-Спасский монастырь отдан под концлагерь, Страстной —

занят военным комиссариатом, Чудов — отдан кооперативу «коммунист». В других городах России — аналогичная картина. Монастыри и храмы отдаются под тюрьмы, пересылки, фабрики, котельные, мастерские, склады, а чаще — безжалостно и планомерно разрушаются. К 1921 г. ликвидировано 722 монастыря. К началу 1923 г. осталось не более 50 тысяч православных храмов и часовен. При изъятии церковных ценностей только по суду расстреляно более 7 тысяч священников, монашествующих и послушников. Помимо этого, без суда, погибло не менее 15 тысяч представителей духовенства.

Свободный мир все чаще стал заявлять протесты против расправы с Российской Церковью, и с 20-х годов большевики стали придавать своим преступлениям форму законности. Появились суды и судьи и, конечно же, лжесвидетели. Превзошли всех в этом богопротивном ремесле живоцерковники-обновленцы. В постановлении 1923 года они писали: «Церковным людям не следует видеть в советской власти власть антихристову. Наоборот, ... советская власть, государственным методами, одна во всем мире, имеет цель осуществить идеалы Царствия Божия».

Эти «государственные методы» продолжали изощряться и множиться. Пользуясь ими же устроенным голодом, безбожники усиливали гонения. Ленин писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных степях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед проявлением какого угодно сопротивления...» «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удается нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Наверное, если бы на каждом памятнике и бюсте вождя были выбиты эти слова, людям было бы, над чем подумать. Необходимо помнить и о том, что на действительную борьбу с голодом пошло менее 1% всех награбленных ценностей Церкви, политых кровью мучеников...

В 1924 г. закрыт последний — шестой храм в знаменитой Оптиной пустыни. К 1926 г. в России осталось 2 духовных учебных заведения, и те находились в руках обновленцев. В 1927 г. действовало уже только 28.734 храма. В заключении находилось 117 епископов. Оставалось немного: большевистская власть хотела от Церкви лишь официального признания, что она, эта власть, — «народная», «законная», «Богом установленная». Пока что это признание исходило только от кукольной «живой церкви» обновленцев. К ним примкнул митрополит Сергей Страгородский, будущий первый сталинский патриарх, который писал о своем переходе на сторону живоцерковников: «Мы призываем последовать

нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий».

Св. патриарх Тихон, находясь в заключении, предает анафеме Высшее Церковное Управление (ВЦУ) обновленцев, как учреждение антихриста. НКВД неоднократно предлагал Патриарху Тихону издать Декларацию о лояльности и «признании» большевиков; однако Святейший хорошо понимал, что Церковь, признавшая богоборное, антихристианское государство, тем самым отрекается от верности Христу.

«Всякая власть от Бога!» — указуя на небо, говорят нынешние сергиане Моск. патриархии. Но, оказывается, не всякая. В Православной Церкви живет предание св. Отцов о том, какую власть нужно признавать законной. Вот слова Св. Исидора Пелусиота: «власть, т. е. начальство и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей-беззаконник восхитит сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему изблевать сие лукавство, как фараону, и в таком случае нести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил иудеев». Другими словами, власть — тяжелое бремя царей, и всякий, похитивший ее — или падет под ее тяжестью и погибнет, или будет страшным наказанием для тех, кто прогневал Бога и попал под власть узурпатора. Архиепископ Феофан Полтавский, которого называют подлинным столпом современной Российской Церкви, архипастырь-подвижник, подвизавшийся в Русской Зарубежной Церкви, говорил: «Большевистская власть, по существу своему, есть антихристианская, и признавать ее Богоустановленной никоим образом нельзя».

Но вот митрополит Сергей Старагородский, проявлявший и раньше особую «гибкость» там, где нужно было оказаться на стороне сильнейшего, призывает всех признать обновленческое ВЦУ. Однако, большая часть верующих, опознав наемников, вкравшихся в церковную ограду, перестали посещать захваченные обновленцами храмы и ходили только в те храмы, где за Богослужением возносилось имя Св. Патриарха Тихона. Вскоре живоцерковно-обновленческая ересь потерпела поражение. Митрополиту Сергию пришлось принести покаяние, но это не спасло его от нового падения.

7 апреля 1925 г. в самый Праздник Благовещения скончался великий печальник и молитвенник земли Российской Святейший Патриарх Тихон, почитаемый народом как Исповедник и Мученик. Многие близкие к нему люди уверены, что Патриарх был отравлен безбожниками. До самой смерти большевистская власть не выпускала его из атмосферы лжи, провокаций, обмана, клеветы, сеяния раздоров, расколов, недоверия. Протоиерей Валентин Свенцицкий 8 апреля 1925 г. в храме так говорил о Патриархе Тихо-

не: «В эпоху всеобщего распада, всеобщей лжи, всеобщего предательства, продажности, отступничества — был человек, которому верил каждый, о котором каждый знал, что этот человек не продаст правды. Вот чувство, которое было в сердце каждого из нас. Пред Престолом Российской Церкви горела белая свеча. У него не было ничего личного, ничего мелкого, своего — для него Церковь была все».

После смерти Патриарха большевики предлагали, в обмен на официальное признание своей «богоустановленности» занять место главы Церкви Местоблюстителю митрополиту Петру. Он со всей решительностью отверг это предложение. За это его приговорили к медленной смерти в Заполярье, в ссылке. Возглавление переходит к Заместителю Местоблюстителя. Но и Заместители митрополиты Агафангел Ярославский, Кирилл Казанский, Иосиф Петроградский и старший из оставшихся на свободе архиепископ Серафим Угличский отвергли предложения большевиков и исчезли в недрах ГУЛАГа. Архипастыри Церкви Российской шли неуклонным путем и подавали высокий пример своей пастве, отвращаясь путей легких и широких. Эту исповедническую традицию нарушил и попал другой Заместитель Местоблюстителя, митрополит Сергей Страгородский — и сделал это как раз тогда, когда Церковь уже готова была торжествовать победу над узурпаторами, когда все попытки гонителей поработить ее оказались тщетными, а духовенство и народ повсеместно готовились объединить усилия для противостояния безбожию. Самая власть сатанинская была готова поколебаться, поскользнувшись на пролитой безвинной крови Мучеников и Исповедников.

В 1927 г. митрополит Сергей был выпущен, после недолгого заключения, из тюрьмы, и от имени всей Церкви опубликовал верноподданническую Декларацию о лояльности. Заказ богоборной, антихристианской власти был выполнен митрополитом Сергием в точности. Наступала новая эпоха испытаний и гонений для окровавленной Российской Церкви.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Прямой путь», Москва, 1991 г., № 1, 2.
2. «Русский пастырь», Джорданвилль, 1990 г., № 8.
3. Прот. Георгий Граббе «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом», Джорданвилль, 1989 г.
4. Еп. Григорий, «Русская Церковь перед лицом господствующего зла», Джорданвилль, 1991 г.

5. Прот. Борис Молчанов, «Эпоха апостасии», Джорданвилль, 1976 г.
6. «Православная Русь», № 21 (1426), 1990 г.
7. Прот. Лев Лебедев «Почему я перешел в Зарубежную часть РПЦ?» Монреаль, 1991 г.
8. Послание Архиерейского собора РПЦЗ, № 3 (16 мая) 1990 г.
9. Архиеп. Аверкий «Провозвестник кары Божией русскому народу» Джорданвилль, 1964 г.
10. «Архиепископ Аверкий Джорданвилльский», Прилож. № 3 к журналу «Пчела», Москва, 1990 г.
11. «Антихрист в России», К/О «Издатель», Москва, 1990 г.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

27 мая 1991 г., через полгода после подачи документов, Министерством юстиции РСФСР выдано Управляющему Делами Российской Православной Церкви Преосвященному Валентину, Епископу Суздальскому и Владимирскому свидетельство за № 37 о регистрации Устава Суздальского Епархиального Управления Российской Православной Свободной Церкви. По сути дела, в России впервые после 1917 года легализована, в полном юридическом смысле и значении этого слова Российская Православная Церковь, преемница дореволюционной Российской Церкви. Урегулирование юридического положения Церкви имеет огромное значение для будущего его развития. Регистрация Суздальского Епархиального Управления отбирает у чиновников местных враждебно настроенных властей возможность ссылаться при отказе в предоставлении храмов нашим общинам на «отсутствие юридического статуса у религиозного центра» или «враждебность Зарубежной Церкви к советской власти». Однако, на местах еще предстоит неравная борьба церковных общин с отделами юстиции и местными органами власти. Об этом свидетельствует хождение по мукам верующих села Борисовское Суздальского района, которые заявили о своем решении войти в состав Суздальской Епархии РПЦЗ. Чиновник Владимирского отдела юстиции облисполкома А. В. Корсаков сказал в очередной беседе старосте общины с. Борисовское: «Идите во Владимирскую епархию, к епископу Евлогию, тогда дело двинется быстро, а если ходите быть в Суздальской епархии, то придется вам подождать месяца три». Аналогичное положение с регистрацией Устава Прихода с. Кидекша Суздальского района.

И все же, опыт Суздальского Епархиального Управления показывает, что активная борьба за свои права на всех уровнях власти, не исключая и высших, приносит свои плоды. Мы верим, что

в России 1992 года об этих мелких кознях руководства мы будем вспоминать со снисхождением и улыбкой, как о малопочтенной и недостойной возне.

(Соб. корр.)

ЕРЕСЬ ЕРЕСЕЙ

В «Журнале Моск. патриархии» имеется раздел под названием «Экуменические контакты». По замыслу руководителей МП, в сознании верующих должно быть отведено особое место для информации подобного рода.

Должно быть, далеко не все верующие Церкви Московского патриархата знают, что означает это таинственное слово, но раз руководители говорят, что так надо, значит так надо... А главное — все должны признавать авторитет «патриарха» Алексия II (Ридигера), признавать же его, не признавая экуменизма, никак нельзя, ибо Алексий II — именно выдающийся, заслуженный экуменист. Вот далеко не полный список его достижений на этом поприще:

«Он был делегатом III Ассамблеи Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) в Нью-Дели в 1961 г., членом ЦК ВСЦ с 1961 по 1968 г.; Президентом Всемирной конференции в 1966 г. в Женеве (Швейцария); членом комиссии «Вера и устройство» ВСЦ с 1964 по 1968 г.; неоднократно возглавлял богословские собеседования. Он является президентом конференции европейских церквей (КЕЦ), с 1971 г. — вице-президент Президиума и Совещательного Комитета КЕЦ. С 1972 г. — член Совместного Комитета КЕЦ и Совета Епископских Конференций Европы Римско-Католической Церкви. Митрополит Алексий — инициатор и председатель семинаров церквей Советского Союза — членов КЕЦ и церквей, поддерживающих с ней братское сотрудничество... С 1980 г. — вице-президент общества советско-индийской дружбы» (ЖМП, № 11, 1986 г.).

Чему же так усердно служит патриарх Алексий II?

Это движение возникло в прошлом веке в Англии на месте изжившего себя протестантизма, стремительно вовлекая в свои ряды все больше отступников от Истины в разных странах, и к середине нашего века объяло собой почти весь мир. В результате в 1948 г. образовался Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), который четырежды созывал всемирные конференции — мрачные подобия Вселенских Соборов — с целью разрушить учение о Единой, истинной, святой соборной и апостольской Церкви. Например, слово *с о б о р н а я* переводится экуменистами как «интегральная» и нам предлагается такой «Символ веры»: «Верую во едину, святую, интегральную, апостольскую церковь...», т.е. церковь Мирового Совета Церквей, принимающую под свой «омофор» всех желающих еретиков.

«Экуменизм есть ересь ересей... Тут древнее арианство, монофизитство, монофелитство, иконоборчество, пелагианство и просто всевозможные изуверства под совершенно другими названиями современных сект объединились и идут приступом на Церковь» — свидетельствует Первоиерарх Российской Православной Церкви Митрополит Виталий.

Но борьба Всемирного Совета Церквей с Единой Истинной Церковью Христовой не могла продолжаться успешно, покуда сама эта Церковь не являлась членом ВСЦ. Между тем, св. каноны, грозящие лишением сана епископу или священнику, общающемуся в молитве с еретиками или признающему их таинства, столь многочисленны и определены, и невозможность для православного участвовать в экуменическом движении столь очевидна, что поначалу ни Моск. патриархия, хотя и отступившая к тому времени от Истины, ни прочие православные поместные Церкви, исключая Константинопольскую, не сочли возможным вступить в ВСЦ, отвечая на приглашения категорическим отказом. «Отголоском лживой проповеди» назвали экуменизм поместные Церкви в совместной резолюции 1948 года. О первой Православной Церкви, давшей вовлечь себя в ересь ересей, отзывались так: «Или Константинопольская Патриархия забыла свою первопрестольную честь в защите канонов Православной Церкви и не поддержала своего авторитета?»... Каким образом поддерживает свой авторитет Константинопольская патриархия, мы скажем немного ниже, что же касается патриархии Московской, то на III Всемирной конференции экуменистов в 1966 г. в Нью-Дели (в Индии) она уже вынуждена была присутствовать, чтобы устами своих иерархов защитить там коммунизм от возможных нападков и не дать поднять вопрос о гонениях на веру в СССР. Понятно, что долгожданная делегация МП была встречена всеми экуменистами в Нью-Дели с восторгом, тем более, что МП привела за собой в Мировой Совет Церквей остальные Православные поместные Церкви.

Таким образом, МП превратилась в еретическую организацию, и одним из первых и ведущих ее еретиков стал будущий патриарх Алексей II — делегат III Ассамблеи ВСЦ, той самой, где, по словам Митрополита Виталия, «были собраны все неправды мира», где «создан был... первый раз в истории человечества один общий фронт ересей и неправд. В Мировом Совете Церквей... соединились и объединились все кощунства, заблуждения и противления Истине за всю духовную историю рода человеческого...» Кроме того, «атмосфера индусского мистицизма» привела многих участников конференции в Индии в восторг, — очевидно, не оставила она равнодушным и митр. Алексея, ставшего впоследствии (в 1980 г.) вице-президентом общества советско-индийской дружбы. И с первого же года вступления Моск. патриархии в Мировой

Совет Церквей Алексей II вошел в его ЦК, а на следующей, четвертой конференции МСЦ в 1966 г. предстал уже как ее президент. Открылась эта Ассамблея совместной экуменической молитвой: «Боже, Отче, Ты можешь сотворить все новое... в которой были такие слова: «помоги нам... искать истину, которую мы не познали...» — Любопытно было бы посмотреть тогда на лица православных иерархов, — говорит Митрополит Виталий, — которые со всеми протестантами, сектантами и католиками... заявляли во всеуслышание, что и они Истины не познали». Посмотреть бы и на лицо будущего патриарха Всея Руси — президента этого «соборща».

«Отвращайся даже тех, которые некогда подозреваемы были в сем» — писал о еретиках св. Кирилл Иерусалимский, — «И если не узнаешь, что они долгое время раскаиваются, то не скоро вверь себя им».

Но может быть, Алексей II принес покаяние в грехе молитвенного соучастия с еретиками, раскаивался долгое время и тем самым вернулся к преданной им Святой Истине? И вместе с ним покаялась Моск. патриархия?

Увы, даже беглое знакомство с экуменической деятельностью МП свидетельствует об обратном. Алексей II — инициатор семинаров церковью Советского Союза (звучит!). С этими церквями советского союза систематически проводятся совместные экуменические моления — с адвентистами седьмого дня, баптистами, пятидесятниками, лютеранами и прочими сектантами-еретиками. Не только никто не покаялся, но экуменисты начали уже совместно молиться с язычниками — с Тибетским Далай-ламой, считающим себя богом и с американскими почитателями змей. Такие моления, по признанию Журнала Моск. патриархии, начинаются теперь с совместных медитаций — тут уж не до молитвы! С кем поведешься, от того и наберешься. А чего стоят бесчисленные «диалоги» с еретиками (и язычниками)! Св. Кирилл Иерусалимский предупреждает: «Не любопытайся о таковых и даже не желай вступать с ними в разговор». Но иерархи Моск. патриархии не только вступают в «разговоры-диалоги», но и вовлекают в них свою паству, развращая тем самым Церковь. Но может быть, паства все же не развращается, и, непричастная грехам своих иерархов, как-нибудь остается чиста? А может ли священник или мирянин быть православным в то время, когда его епископ — еретик? Говорят некоторые священники МП: «Лично я — не экуменист». А каким же это образом? Церковь — Тело Христово, и глаза этого Тела, по слову Св. Григория Богослова, суть епископы. Если глаза находятся в темноте, то «все тело будет темно». Св. Василий Великий говорит, что лучше не иметь епископа, чем иметь ложного. «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя».

Именно так и поступили на Афоне, где большинство монахов-святогорцев уже прекратило поминание Вселенского патриарха Димитрия, который объявил папу Римского «первым во всей Церкви Христовой», соборно одобрил исповедание латинян (папскую ересь) и сослужил с папой мессы (т. е. общался с латинянами в таинствах). «Константинопольский патриарх открыто проповедует ересь» — предупреждают отцы св. Афона, — «в случае ереси св. каноны требуют полного прекращения общения». Об этом говорит 15-е Правило Двукратного Собора, то же пишут Св. Отцы, например, преп. Никодим-Святогорец: «Если указанные предостытели-еретики проповедуют свою ересь открыто и ради этого подчиненные им отделяются еще до того, как состоится соборный суд об этой ереси, эти отделяющиеся не только не осуждаются за отделение, но и достойны подобающей чести как православные, ибо не раскол причинили они своим отделением, но, напротив, освободили Церковь от ереси этих лжеепископов».

Сейчас Моск. патриархия пытается представить Русскую Православную Зарубежную Церковь (единственную Церковь, никогда не запятнавшую себя членством в Мировом Совете Церквей) как преследующую антихристианские цели, а Российскую Православную Свободную Церковь — как «самозванную и антихристианскую группировку», чтобы использовать эту ложь в своих неограниченных претензиях на право наследования храмов и прочего имущества дореволюционной Российской Православной Церкви. В вопросе определения, где истинная Церковь Моск. патриархия прибегает к авторитету Вселенского патриарха Димитрия. Как напечатано в «Моск. Церковном вестнике» (№ 7, апрель 1991 г.) («Вселенский патриарх (который, разумеется, поддерживает Московского патриарха, — авт) — самый авторитетный эксперт в православном мире». Вот так самый авторитетный «эксперт», которого монахи св. Афона уличают в открытой проповеди ереси! Священный Кинот св. Горы отправил Вселенскому патриарху Димитрию несколько посланий по поводу его экуменической деятельности, сначала умоляя его отказаться от ереси и от участия в Мировом Совете Церквей, предупреждали, что будут вынуждены прекратить его поминовение за Богослужением, и, наконец, в последнем послании написали: «Для нас не осталось уже другого образа действий, как прекратить поминовение патриарха... Никто не может верить в ваше православие, ибо вы лично исповедуете противное. Св. Гора не может выражать вам свое почтение и преданность».

«Экуменические контакты» продолжаются... Как знать, не станут ли они вскоре «космическо-инопланетными» с подлинно «вселенским» размахом?

К. ПЕРЦЕВ.

СУЗДАЛЬ

Велика и обширна известность одного из древнейших городов Залесья — города Суздаля. Можно с уверенностью сказать, что его знают не только во всех уголках нашего отечества, но и далеко за его пределами.

Как не странно, всего труднее установить секрет широкой известности Суздаля, исходя из определения, ставшего наиболее распространенным. Как известно, Суздаль чаще всего называют богатейшей сокровищницей русской национальной культуры.

Конечно, в таком определении есть своя логика. Кто хотя бы один раз посетит этот поистине дивный городок, тот навсегда унесет с собою неизгладимое впечатление сказочного великолепия, мудрой приветливости и особой красоты, исполненной высокой одухотворенности. Поэтому совсем не случайно из года в год почти ежедневно стекаются сюда массы туристов, интуристов и просто путешественников-одиночек. Идут и едут они из разных уголков нашего отечества, также из множества зарубежных стран. И кажется, нет конца этому живому потоку бурных восторгов зачарованного восхищения, безусловного признания и всеобщего поклонения.

Следует однако задуматься, чему же поклоняются званые и случайные гости этого чудесного уголка древнего Залесья? Что привлекает сюда их возбужденное внимание? К сожалению, равнозначного ответа на эти вопросы нет. Увы! Характер заинтересованности разных людей далеко не одинаков. Все говорят о красоте, о величии, о неповторимости, но как же по-разному все это понимается. И как по-разному ко всему этому относятся разные люди. Причем, отношение их порою обнаруживается не в их высказываниях, а в самом способе их знакомства с городом и всеми его уникальными достопримечательностями.

Совершенно непреднамеренное, невольное наблюдение дает возможность установить — кто зачем приехал сюда и что конкретно унесет с собою.

Суздаль равно приветлив и радушен ко всем, кто его посещает. Но его художественные сокровища — Увы! — далеко не одинаково доступны каждому. Одним они представят лишь общее удовольствие, другим дадут эстетическое наслаждение, а кому-то — подлинное духовное обогащение. Все зависит от того, на что окажется способным каждый из посетителей.

Посетителей — масса! А вот способных все увидеть и все понять — совсем немного. И их легко отличить от всех других. Они,

как правило, избегают восторженную толпу — уходят от нее. Не слишком прислушиваются и к стандартным объяснениям экскурсоводов. Держатся обычно в одиночку. Ходят по городу неторопливо, чуть нахмурясь и подолгу стоят возле каждого храма, возле каждой монастырской стены или башни, возле каждой часовни. И не просто рассматривают уникальные сооружения, а как бы всем существом своим впитывают невидимый дух седовласой древности. Стоят молча и внимательно вслушиваются в загадочный, только им слышимый, гомон давно уже умолкнувших голосов, постоянно источаемый бессловесным, но цепким на память каменным чудом.

Невольно выражаясь невысказанным и все же понятным состоянием души таких посетителей, осознаешь, что именно им-то и дано действительно по достоинству оценить непреходящую сущность всего, чему дано столь абстрактное, хотя в общем-то и верное определение, — богатейшая сокровищница национальной культуры.

В самом деле — разве только к Суздалю применимо это крылатое, но давно уже ставшее банальным, наименование? Мало ли наших древних городов можно с полным правом назвать так же? Да только способно ли это общее название выявить нечто специфически-индивидуальное и потому действительно неповторимое, чем отличался и отличается каждый из этих городов друг от друга? А меж тем, ведь каждый древний город тем прежде всего и знатен, что имеет неповторимо свое, индивидуальное обличье, свой, если угодно, характер и свою особую судьбу. И вряд ли все индивидуально-неповторимое каждого такого города можно исчерпать только внешней красотой его строений и его памятников старины.

Внешняя красота, конечно, имеет свое значение, однако — значение производное, а вовсе не предопределяющее. То есть, красота всегда является логическим завершением творческого замысла, но никак не его первопричиной. Причина создания любого памятника всегда внеэстетична. А красота — это лишь одно из условий выполнения исходной задачи.

Самое значение слова «памятник» содержит в себе обязательное условие увековеченной памяти. Ведь не для досужих восторгов, не для пустого любования сооружаются памятники. Их номинальное назначение состоит именно в увековечивании в памяти потомков какого-то исторического события, какого-то знаменательного промежутка времени, или очень важного этапа национальной борьбы, ставшего нескренимой вехой судьбы народа.

Много чаще, однако, памятниками становятся сооружения, возможно и не претендовавшие на длительное почитание потомков, но сыгравшие в истории своего народа настолько заметную и

такую важную роль, что как бы сами по себе стали неотъемлемыми символами происходящих событий, материальным воплощением этих событий, выражением их исходной сути и значимости. Такие памятники особенно дороги каждому народу, ибо в них только и можно почувствовать живое дыхание древней истории.

Нужно сказать, что почти все памятники старины Суздаля именно такими и являются. Если мы говорим о их неувядаемой красоте, то видимо имеем в виду не какую-то абстракцию, хотя и довольно совершенную, гармонию форм и объемов, но прежде всего — строгость и точность вполне конкретного выражения в них национального духа наших далеких предков.

Кто хотя бы мало-мальски знаком с древнерусской архитектурой, кто относится к ней не с поверхностно-восторженным любопытством, а с глубокой заинтересованностью, тот, конечно, не мог не заметить, что красота для наших древних зодчих никогда не являлась самоцелью. Их бессмертные творения, дожившие до наших дней, со всей очевидностью свидетельствуют, что красоту они понимали по-своему и совсем не так, как ее понимают иные наши современники.

К великому сожалению, их понимание красоты никогда не было сформулировано словесно и нигде не запечатлено письменно, потому что мастера-зодчие древней Руси зачастую и грамоте-то обучены не были. В основе их понимания красоты и ее назначения лежали вовсе не научные определения, а только — обостренное несказанной любовью к родной земле интуитивное чувство, основанное на глубоком осознании своей неотъемлемой принадлежности к исконно русскому национальному духу. Именно это осознание и застыло навеки в своеобразном сочетании форм и объемов, размеров и пропорций отдельных деталей и их соотношения между собой в деревянной и каменной ткани каждого сооружения.

Любой храм или колокольня, любая монастырская стена или башня на ней, любая церквушка или часовенка — это живые страницы вечной книги, именуемой великим национальным искусством. И лишь тому дано проникнуть в вечные тайны его внутренней сущности, кто научится понимать каменную азбуку его древнего языка.

В красивом слове «сокровищница» невольно прослеживается смысл чего-то уже отжившего свой век и утратившего свое обычное назначение. Сокровищница — это что-то вроде копилки, в которой собраны богатые сбережения, не имеющие конкретного назначения. Однако, там могут лежать не только золотые рубли да серебрянные гривны. Там могут находиться и трудовые, пропахшие потом бедняцкие медяки. И все это богатство легло в копилку не сразу, не одновременно, словно по мановению таинственного вол-

шебника. Кто же ответит сейчас, что попало туда сперва, а что потом? Кто установит — радостная ли улыбка, или горькая слеза следовали за каждым взносом?

И в Суздале строились не только изумительные храмы да роскошные палаты — строились здесь и оборонительные валы, и убогие жилища. И всему был свой черед, который все же можно проследить, если не год за годом, то хотя бы век за веком, наверняка. Потому что все это строительство вызывалось к жизни исторически конкретной необходимостью. В каждом здании, в каждом сооружении застывала на века печать великой радости уже достигнутых стремлений, или же — великая тревога перед неведомым предстоящим, тревога за судьбу города, всей залесской земли, а быть может, — и всего государства. А вместе с тем застывало в совершенных формах изумительное мастерство и умение воплощать в дереве или камне какую-то главную цель, главную идею, выношенную и оформленную мудрым замыслом безымянного автора. Потому-то сегодня и можно говорить о каждом из этих сооружений, как о произведении подлинного искусства.

Нет, неоценимое богатство далеких веков не было снесено сюда одновременно и только для вечного покоя, как бездыханное тело на старый погост. Все эти бесценные сокровища — отнюдь не мертвый капитал. Все они — вечно живое достояние, имеющее свое бессмертное значение. И ехать в Суздаль нужно именно затем, чтобы понять, в чем оно и как оно осуществляется до наших дней.

Чего стоили бы даже самые превосходные произведения искусства, если бы они утратили способность пробуждать в душе потомков неутолимую потребность не только хранить, но и развивать свои вековые традиции? Искусство лишь тогда и подлинно, если оно сохраняет свои национальные традиции. Только в этой его способности и состоит его бессмертие. А искусство, растерявшее свои национальные традиции, перестает быть искусством. Оно неизбежно вырождается в бессмысленную абстракцию.

Суздальские памятники — это произведения подлинного искусства. Но почувствовать и осознать их историческую бесценность может лишь тот, кто способен уяснить себе величайшую роль, объективно выполняемую искусством в жизни человеческого общества. А оно много серьезнее, нежели может показаться на первый взгляд.

За многие годы прожитые в Суздале, где весьма часто приходилось сопровождать гостей, немало было вопросов, среди которых был и такой: какие роковые перемены произошли в исторической судьбе этого города, так резко затормозившие его развитие? Быть может не всегда приходилось отвечать в силу регламентированного времени. А меж тем было что сказать, ибо перемен было

очень много: Но никакого торможения не произошло. Чем глубже вдумываешься в историю Суздаля, тем яснее понимаешь, что его судьба и не предполагала ни резкого увеличения численности населения, ни бурного развития промышленности. Было ему свое, особое назначение, и вряд ли можно считать это назначение неисполненным.

Конечно, сейчас не возродить живых суждений тех, кто определял его судьбу. Не услышать их доводы и не узнать, на чем основывались их решения. Много тайн унесло время. Сейчас можно лишь строить всевозможные догадки да предположения, без особой надежды на их историческое подтверждение. Но кое о чем город опособен и сам рассказать. Могут рассказать и другие города, исторические судьбы которых прямо или косвенно соприкасались с Суздалем. Только нужно повнимательнее прислушаться к спокойному и негромкому голосу многовековой старины.

Подобно седобородому богатырю-ратнику, стар и многославен город Суздаль. Чарующее благолепие его убранства таит под собою следы множества зарубцованных ран. И уж Бог весть, что же значимее в его нелегкой судьбе — видимая ли красота его внешнего облика, или невидимая, но и немеркнущая красота его былых подвигов. О многих из них и поныне хранят светлую память пожелтевшие от времени рукописные хартии летописцев. О других навечно позабыла безжалостная история. Гордая слава их навсегда канула в хмурые глубины безответной вечности. Поэтому сейчас уже никто не знает наверняка, когда и как появился на свете город Суздаль на благодатной залесской земле.

Впервые его имя поминается в Лаврентьевкой летописи под 1024 годом. Однако есть все основания полагать, что он на много старше и Владимира, и Москвы.

Созданная в 1337 г. Лаврентьевская летопись является лишь поздним сводом не дошедшей до нашего времени Несторовской летописи, составленной во втором десятилетии XII в. и известной под названием «Повесть временных лет».

Если бы Лаврентьевская летопись представляла собой точную копию Несторовской, то о ее сведениях можно было бы иметь совсем иное суждение. Однако, составленная по заданию Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича монахом Лаврентием, эта летопись почему-то не включила в себя сообщений о событиях целого ряда лет, в том числе — событий, происшедших в период 898—992 гг. Трудно допустить, чтобы события этих лет были обойдены молчанием и в «Повести временных лет», создававшейся лишь двумя столетиями позднее. Скорее всего, пропуск был допущен по каким-то особым соображениям именно в Лаврентьевской рукописи. А ведь период с 898 по 992 г. это и есть исторический отрывок времени, когда мог возникнуть Суздаль.

Так свидетельствует предание и так думать дают право некоторые данные археологической экспедиции 1935—1939 годов.

Кроме того, Суздаль упоминается в летописи только в связи с крупным восстанием смердов. Стало быть, упоминается он не как новый, только создающийся город, а как город уже существующий. Речь-то в летописи идет не о «суздальской земле», а о «суздальских землях», то есть о землях, чем-то зависимых от Суздаля, почему-то тяготеющих к нему. Стало быть, сам город не только уже существовал, но и являлся каким-то административным или же торгово-экономическим центром. А чтобы стать таким, было необходимо какое-то время. И видимо — немалое.

Да и самое восстание, о котором повествует летопись, не могло же произойти ни с того, ни с сего... Ему ведь тоже должны были предшествовать какие-то важные и возможно многолетние события.

А меж тем Церковное Предание настойчиво утверждает, что еще в 990 г. в Суздаль приехал сам Великий князь Владимир из Киева и с ним прибыл тогда епископ Феодор, привезенный из Греции и оставленный князем для обращения здешних язычников в христианскую веру. Здесь, в Суздале епископ Феодор построил из дуба городской собор в честь славного Успения Божией Матери и сам служил в нем до самой своей смерти, случившейся в 993 г., то есть за 31 год до начала восстания смердов.

В этом «Церковном Предании», видим, содержится немалая доля достоверности, потому что назревший в Суздале конфликт между смердами и владыками имел не только социально-экономическую, но и религиозную подоплеку. Случилось так, что и одно, и другое сплелись в неразрешимую проблему, о чем в своем месте еще будет идти речь. Но и без особых комментариев должно быть понятно, что назревание конфликта такого масштаба несомненно требовало очень длительного времени.

Таким образом и самый конфликт суздальских смердов, и упоминание о нем в летописи, наравне со значительнейшими событиями, происходившими в древней Руси, дают право полагать, что Суздаль возник отнюдь не в 1024 г., а много раньше, а также полагать, что в 1024 г. Суздаль уже был весьма знаменитым и значительным центром, известным едва ли не всей Киевской Руси.

Не совсем ясно значение самого названия «Суздаль». Высказываются разные предположения, из которых наиболее вероятными считаются два. Согласно одному из них название «Суздаль» — финно-угорского происхождения, берущее начало от слов «судить»; или «рассуждать». При этом допускается, что в глубокой древности здесь мог размещаться местный суд, посредством которого регулировался установленный порядок гражданских взаимоотношений.

Согласно второму предположению слово «Суздаль» происходит от сочетаний «сухая долина», «суходол», что якобы соответствовало характеру благодатных для хлеборобского ремесла земель полесского ополья. В таком предположении, конечно, тоже имеется своя логика, ибо в общей сложности земли Залесья отнюдь не отличались особой сухостью. Напротив, в древности это был край бесчисленного множества степных рек и речушек, а также — немалого количества лесных озер, заводей и болот. Несколько отдаленное от лесных массивов, ополье действительно могло казаться сухим оазисом благодатных земель.

И все же фино-угорский вариант представляется более близким к истине. Вряд ли правомерно то пониманию географических наименований выводить из современной семантики исходных по звучанию слов. Диалектные тонкости древнерусского языка изучены не столько глубоко и всесторонне, чтобы говорить о безусловном совпадении. В древние века слова могли звучать так же, как и ныне, но иметь совсем иной смысл, совсем иную семантику.

А в пользу фино-угорского варианта говорит также и тот факт, что многие поселения тяготеющих к Суздалью были созданы именно фино-угорскими племенами. Ведь почти вплоть до X в. нашей эры почти весь район междуречья от Оки до Волги, достигавший на Севере Болозерска и Устюга, был занят такими поселениями. Наиболее многочисленными племенами, как свидетельствуют древние хроники, проживавшие в тех местах, были племена меря, мурома и веси.

Первое упоминание о племени меря, например, находим у готского историка Иордана под VI в. нашей эры. Однако, предки фино-угорского племени меря, как известно, жили здесь еще в конце I тысячелетия до нашей эры.

О племени мурома вспоминается во многих скандинавских сагах. А о их культуре рассказывают археологические раскопки по берегам Оки, в пластах I тысячелетия до нашей эры.

И хотя к началу X в. нашей эры, по мере продвижения славян в Поволжье, фино-угорские племена были полностью ассимилированы новгородскими пришельцами с верховий Днепра и Западной Двины кривичами, устойчивая память о них дожила до наших дней. Исторический след их особенно заметен именно в происхождении наименований множества здешних рек, лесных урочищ и людских поселений. Видимо, и Суздаль не составил исключения.

Попутно следует сказать, что влияние фино-угорских племен сказалось не только в языковой культуре данного края. Оно имело куда большее значение и до сих пор продолжается также в традициях некоторых видов хозяйственной деятельности... Как известно, основным видом занятий наиболее близкого к суздальским землям племени меря, кроме охоты и рыболовства, были всякого рода

бытовые ремесла и земледелие, из которого особое предпочтение они отдавали огородничеству. Ремесленная сноровка и традиционное тяготение к огородничеству отличает и современных суздалян. О значительной роли фино-угорских племен в исторической судьбе нашего народа следует сказать даже больше. Хотя все они с течением времени обрусели и буквально растворились в среде славян, все же они успели оказать свое влияние. Конечно, общая культура и хозяйственно-экономическая организация у славян была выше. Однако, ремесленное мастерство, опыт земледелия, а также искусство фино-угорских племен не остались погаными. Напротив, их традиции во многом обогатили славянскую культуру.

Исторические свидетельства, при их изучении и внимательном сопоставлении, невольно приводят к выводу, что ассимиляция была не односторонней, а взаимной. Каждое из племен как фино-угорских, так и славянских впитало в себя все то лучшее, что было характерно другим племенам. То есть, произошло не просто объединение разноязыких племен, а социально-историческое пере рождение всех их, что положило начало сложному процессу формирования качественно новой, великорусской народности. А в процессе этого формирования вполне закономерно вырабатывались и новые особенности нашей национальной культуры, впоследствии отразившиеся и в языке и в характере хозяйственной деятельности, и, конечно, в нашем национальном искусстве.

Видимо, в искусстве специфические особенности новой культуры сказались прежде всего. Потому что духовное сближение различных племен, завершившееся образованием нового, внутренне нерасторжимого социального единства, просто не могло бы произойти без глубокого взаимного понимания людей, без их взаимного уважения. А также взаимопонимание, как уже отмечалось, как раз и несет людям их искусство.

Да, сейчас уже никто не знает точно, когда и как возник на залесской земле древний Суздаль. А возможно это и не столь уж важно — когда. Куда важнее то, что его появление совпало с одним из важнейших процессов в долгой и нелегкой истории нашего народа — с процессом образования великорусской народности. И, мужая творческим гением своего народа, уже в колыбели своей впитал в себя все то лучшее, что было потенциально присуще величайшей из национальностей мира — великорусской национальности. Впитал для того, чтобы затем отразить это лучшее в своих бессмертных памятниках.

Весьма часто гости задают неожиданно странный, хотя по-своему быть может и резонный, но в сущности нелепый вопрос: «Откуда посадские люди Суздаля могли черпать свою трудовую энергию и упорство, чтобы создать такое множество изумительных храмов в столь небольшом и в общем-то не очень богатом город-

ке?» И доводя свой вопрос уже до полного абсурда, продолжают недоумевать: «Да и зачем этому крохотному городку понадобилось такое количество церквей, соборов, да монастырей?»

Такие вопросы несомненно являются следствием эстетической прямолинейности тех, кто их задает. Неумение, а возможно и неспособность видеть национальное богатство в его исторической ретроспективе неизбежно порождает слишком плоское, одноплановое отношение к духовному наследию наших предков. Потому-то неслыханное чудо архитектурного гения действительно превращается в мертвую сокровищницу, способную удивлять, и поражать, и восхищать, но только ничему не учит своих духовно ограниченных зрителей.

В том-то и дело, что подлинное искусство не имеет цены. Его произведения не могут, не должны составлять гордость их обладателей. Произведения подлинного искусства вообще не должны иметь только своих почитателей и хранителей, обеспечивающих и их надежную сохранность, и их широкую доступность. Поэтому в высшей степени наивно спрашивать — зачем они понадобились, сколько бы их не оказалось в одном месте. Ведь с таким же успехом можно задать не менее нелепый вопрос, зачем так много живописных картин находится в одной Третьяковской галерее? Или, зачем так много дорогих изваяний собрано в одном крошечном Петербурге?

Если о произведениях искусства говорят как о величайшем богатстве, то нужно иметь в виду не их материальную стоимость, а непреходящее значение, какое они имеют для множества поколений, изучающих по ним величайшую тайну человеческой сущности, человеческой души.

Конечно, Суздаль — это не Петербург и не Третьяковская галерея. Коренное различие состоит прежде всего в том, что его произведения искусства служили нашим предкам прежде всего как атрибуты их общественного бытия. В них отражено не столько понимание абстрактной красоты, сколько осознание органической неотъемлемости и повседневной необходимости каждого человека. Красота здесь — не самоцель, а выражение человеческого отношения к сути самой идеи, воплощенной в каждом сооружении и в каждом изделии. Ведь все это, прежде всего, обязательная доля повседневной жизни. Доля, естественно предопределяющая главное и неотделимое условие умиротворенности и душевного равновесия живших здесь в древние времена русских людей.

Суздаль создавался отнюдь не для того, чтобы стать городом-музеем. Его храмы, соборы и святые обители — это отнюдь не «украшение родного города», как полагают некоторые посетители. Для украшения вполне хватило бы и четвертой части их общего количества. Нет, все это имело совсем иное назначение. Но чтобы

понять, в чем оно состояло, нужно не просто узнать долгую историю города, но и осознать глубочайший смысл ее неизбежности и ее неотвратимости.

Что это значит? Это значит — не только вспомнить все события, прямо или косвенно определяющие историческую судьбу города, но и понять, как эти события воспринимались и оценивались их непосредственными участниками. Ведь все деяния наших предков, все их творчество обуславливались не нашим сегодняшним, а их собственным миропониманием, их чувствами и их духовными запросами.

Как и у любого другого города, у Суздаля было свое историческое назначение. Только оно долгое время не отличалось последовательной стабильностью. Менялись условия общественной жизни древней Руси, а вместе с ними порою самым неожиданным и радикальным образом менялась и исполняемая Суздалем роль в этой жизни.

Сперва это был город-крепость, как и множество других приграничных городов Северо-Восточной Руси. Крепость и форпост в борьбе с частыми набегами заволжских и придонских кочевников — печенегов, хазар, половцев, затем, уже при Юрии Долгоруком, Суздаль становится столицей Ростово-Суздальского княжества, все же сохраняющей некоторую зависимость от Ростова Великого. А еще веком позднее становится столицей самостоятельного Суздальского княжества, не имеющего практически подчиненности. И, наконец, вообще утрачивает политическое значение и приобретает совсем иное, и видимо главное свое назначение, в результате чего и становится тем, что нам сегодня известно об этом городе.

Обращает на себя внимание тот факт, что как бы не менялась историческая роль Суздаля, его значение для древнерусского государства нисколько не уменьшилось. Многие наши современники недоучитывают, что с утратой политического значения, Суздаль в минувшие века нисколько не утратил своего общегосударственного авторитета. Пожалуй, даже напротив, его авторитет значительно возрос. Так что утрата политического значения фактически не представляла собою какого-то торможения процесса его развития. Произошло отделение города от мелочной мирской суеты, от пагубных личных страстей и от греховных вожделений отдельных владык во имя всенародного блага.

Такое изменение исторической роли города, разумеется, не было результатом случайного стечения обстоятельств или непереносимого своеволия княжеской власти. Изменение это было вполне закономерным следствием сложнейшего в своей естественности процесса, происходившего в жизни нашего народа, — процесса становления великорусской государственности.

Как процесс образования великорусской народности, так и

процесс становления российской государственности происходили далеко не безболезненно. О их необычайной сложности и о напряженном драматизме сопутствующим им событий приходится говорить потому, что они сопровождалась широким распространением на Руси нового для нее религиозного вероучения, далеко не сразу понятного и принятого русскими людьми. Речь идет о христианстве, которое сыграло решающую роль в становлении российской государственности. Ведь именно христианство подготовило моральную почву для возникновения монархического строя на Руси, этого необходимейшего в условиях феодальной раздробленности фактора, обеспечившего возможность объединения всех русских земель в единую могучую державу.

Именно христианство создало ореол божественной избранности одного над множеством и единого над всеми.

И, как видим, этот сложнейший процесс, как и процесс образования великорусской народности, опять же весьма ощутимо и непосредственно коснулся исторической судьбы Суздаля. И не только коснулся, но, в конечном итоге, и определил ее. Стало быть, Суздаль имел далеко не второстепенное значение для зарождающегося российского государства. С именем этого города было связано многое как в истории самого государства, так и в судьбах его августейших монархов. И все это — совсем не случайно. Ведь утратив свое административное и политическое значение Суздаль превратился в очень важный центр религиозной жизни — в центр торжествующего православия.

К великому сожалению слабость Православной Церкви в период княжения Ярослава Мудрого состояла не только в отсутствии достаточного количества, так сказать, почтенного, то есть — русского духовенства, но и в том, что и самое проникновение вероучения Иисуса Христа в сознании народа было еще весьма неглубоким. В то время, когда митрополит Иларий в Киеве уже поднялся до высочайшего осознания подлинного назначения религиозной веры, видя ее в нравственном становлении и национальном единении народа, в суздальских землях еще очень ощутимо колыхались языческие настроения. Достаточно вспомнить, что второе восстание суздальских смердов произошло здесь через два десятилетия после того, как в Киеве появился первый русский митрополит.

В то время Суздаль, еще не утратив своего административно-политического значения, жил напряженной жизнью воинских, хозяйственных и политических забот. В 1054 г. чуя близость своего смертного часа Ярослав Мудрый разделил земли Киевской Руси между своими сыновьями. Согласно этому разелу, Суздаль наряду с Белоозером, Переяславом южным и Ростовом со всеми прилега-

ющими землями достались четвертому из сыновей князю Всеволоду Ярославичу.

Это он основал Ростово-Суздальское княжество со столицей в Ростове, где в 60-е годы XI в. создал собственную епископию во главе с епископом Леонтием. Как свидетельствуют многие исторические документы, князь Всеволод был очень образованным для своего времени и политически прозорливым человеком. Он знал несколько иностранных языков. Но его прозорливость проявлялась преимущественно в вопросах внешней политики. Что же касается внутренних проблем, то в них князь Всеволод проявлял поразительную близорукость. Это при нем вспыхнуло второе суздальское восстание смердов, трагической жертвой которого оказался первый ростовский епископ Леонтий.

Видимо, князю Всеволоду, при всей его образованности, все-таки не доставало Иларионовской аналитичности ума и, главное, — демократичности его мышления. Отягощенный традиционной озабоченностью о силе и мощи своего господства, он просто не знал, не чувствовал душу своего народа. Тем более не осознавал до конца своей национальной общности с этой душой, неразрывной родственности с нею и даже — исторической предопределенности самого себя от нее. Для него народ абстрагировался только в представлении о презренной массе общественных низов — тех же холопов да смердов, да еще разве — городского посада.

Значительно дальше его в понимании народа шагнул его сын Владимир, прозванный по имени своей матери Мономахом. Он был не менее образованным, нежели отец, но пожалуй, более талантливым воеводой. К тому же он был еще и писателем, то есть человеком, объективно приобщенным к миру искусства, что конечно же требовало от него более углубленного и внимательного отношения к людям и жизни. Отсюда — его более верное понимание народа в целом.

Оставаясь все-таки прямым наследником и продолжателем княжеского господства, Владимир Мономах, тем не менее гораздо явственней чувствовал в себе национальный дух своего народа. И хотя, в силу своего сословия, он никак не мог противостоять традиционному представлению о народе, только как о неразумной черни, но уже сознавал свою национальную и духовную родственность с ним. И это осознание заметно проступало во всех его ратных и мирских деяниях.

Владимир Мономах, как никто другой, активно ратовал за объединение всех национальных сил в борьбе против половцев. Он первым в истории Руси стал привлекать к этой борьбе народное ополчение. И народ охотно шел к нему, так как верил князю и хорошо понимал праведность его призыва. Именно благодаря стараниям Владимира Мономаха русская земля надолго была освобожден-

дена от половецких набегов, что создало небывалую популярность князю во всех общественных слоях русского общества.

В 1113 г. в Киеве, после смерти князя Святополка, вспыхнуло мощное народное восстание. Господствующая верхушка из боярства растерялась и оказалась неспособной что-либо предпринять. Тогда и было решено пригласить на княжение Владимира Мономаха. Любопытно, что он не предпринимал жестокого подавления восставших силой оружия. Восстание было усмирено не столько оружием, сколько готовностью разобраться в его причинах. И тогда же законодательным путем Владимир Мономах ощутимо облегчил положение общественных низов.

В Суздале память о Владимире Мономахе увековечена созданием первого на залесской земле каменного храма, который был построен по его указанию в 1101—1102 гг. из плинфы в честь Рождества Божией Матери в суздальском Кремле.

К сожалению, сыновья Мономаха не унаследовали его понимания великой роли народа в исторической судьбе государства, хотя двое из них — Ярополк и Юрий — очень рано стали принимать участие почти во всех походах отца против половцев.

Когда Владимир Мономах принял Киевский престол, он укрепил Переяславское княжество за Ярополком, а чуть позже Ростово-Суздальскую землю отдал Юрию, впоследствии получившему прозвище — Долгорукий.

Своей резиденцией князь Юрий Долгорукий сделал город Суздаль. А после смерти отца в 1125 г. создал независимое Суздальское княжество, сам город Суздаль сделал его столицей. Тогда же началось строительство первых суздальских монастырей и сюда же было переведено из Ростова летописание.

Судя по всему, Юрий Долгорукий очень любил свою землю, как может любить ее всякий русский человек. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт широкий размах строительства, который наблюдался здесь в период его княжения. Был заново отстроен Суздальский Кремль со всеми его валами и укреплениями. Было создано много жилых и хозяйственных зданий и несколько, главным образом бревенчатых, храмов. А во всем княжестве возникло несколько новых городов, как например, Переяславль Залесский, Юрьев Польский и некоторые другие.

При Юрии Долгоруком впервые упоминается и Москва под 1147 годом, которую он значительно укрепил в 1156 г.

И все же в его любви к русской земле не чувствуется патристического бескорыстия, столь характерного для русских людей и, прежде всего для его отца. И вообще вся его деятельность мало чем напоминала деятельность отца. Если Мономах больше заботился о внутреннем единстве и внешней независимости всего государства, то Юрий Долгорукий главное внимание уделял землям

принадлежащим лично ему. Если Мономах опирался на силу своего народа, то опорой Долгорукого была преимущественно боярская верхушка, кстати, не раз подводившая его. И, наконец, если походы Мономаха, прежде всего, были направлены против внешних врагов, главным образом — против половцев, то походы Юрия Долгорукого чаще всего носили усобный характер.

Так, в 1132 г. он захватил Переяславль Южный, а затем выменял на него большую часть своей отчины у родного брата Ярополка, ставшего к тому времени Киевским князем. А затем начал усобную войну с другими своими братьями и князьями за Черниговскую землю, в которой однако потерпел поражение.

Возвратясь в Суздаль, он долго не предпринимал никаких походов, снова усиленно занявшись строительством. Решил перестроить созданный еще при отце Рождественский собор в Кремле, от времени заметно обветшавший. По его указанию этот собор был почти полностью разобран и на том же месте суздальские мастера поставили новый собор, но теперь уже не из плинфы, а из более прочного туфа.

Пожалуй, это был первый опыт подобного строительства, впоследствии получивший довольно широкое распространение не только в Суздале, но и в других городах залесья. Каменная кладка из довольно больших и неровных плит ноздреватого туфа умело и с большим вкусом перемежались разными узорами, старательно выполненными по белому камню. На сероватом от неровностей плит фоне стен эти узоры выступали с особой четкостью и контрастностью, создавая впечатление какой-то волшебной нарядности. В том и состояла уравновешенная и строгая красота храма.

Чья же творческая фантазия изобрела это невиданное доселе каменного чуда? Имя доморощенного зодчего осталось вечной тайной. Ведь князь Юрий Долгорукий, создавая храм, думал не о славе зодчего — одного из множества своих холопов — он думал о своей личной славе. Потому и кануло в неблагоприятную вечность безвестное имя талантливого мастера, силою своего воображения создавшего этот шедевр.

Холопам не полагалось славы. Довольно с них и княжеской милости — ведь кормили же да поили задарма, пока строился храм. А создателем его потомки назовут князя. Только сам он понимал ли, что это была не слава творца, а кичливая слава надмечного обладателя — и только. Возможно, потому она и не принесла долгого удовлетворения.

Не давало Юрию Долгорукому покоя давнее желание стать обладателем других шедевров, на далеком юге. И уже через год после завершения строительства самого прекрасного в княжестве храма, то есть в 1149 г. он снова предпринимает поход на юг и,

разгромив неподготовленную к отпору дружину Киевского князя Изяслава, завладевает многославным первопрестольным градом Киеву.

Завладеть-то завладел, да удержать за собою навечно не смог. Через два года князь Изослав, разбив дружину Долгорукого, вернул Киев под свое княжение. Пришлось Долгорукому опять возвращаться ни с чем в свой Суздаль.

А в Суздале за время его отсутствия боярская верхушка, которую он считал своей верной опорой, начала заводить свои порядки, далеко не соответствовавшие интересам князя. Бояре могли играть роль надежной опоры равным счетом до тех пор, пока не почувствовали достаточно окрепшей свою собственную силу. Когда же их власть показалась им вполне возросшей, они не замедлили заявить о своей воле.

Столкновение между князем и боярами произошло сразу же после его возвращения. И он понял, что опора его господства стала ненадежной. Рассчитывать же на поддержку народных масс ему не приходилось, потому что городские низы и посад не видели разницы между ним и боярской аристократии. Противопоставить было нечего, а смириться не позволяла сословная гордость. И ранней весной 1152 г. князь Долгорукий покинул Суздаль. Переселился он в небольшое селение, в нескольких километрах от Суздаля, которое впоследствии получило название «Кидекша», где сразу же построил обширный княжеский двор и рубленый храм в честь святых мучеников Бориса и Глеба — сыновей его пращура Владимира Святославича, вероломно убитых родным братом Святополком, получившем в народе прозвище — окоянный.

(Продолжение следует).

Самым большим достижением в народном творчестве является создание в народе прозаиче-
ского искусства. Впервые в истории культуры
народные прозаические произведения появились
в виде сказки, былины, песни, а затем и
эпоса. Эти произведения создавались
в течение тысячелетий и являются
важнейшим достоянием культуры
любого народа. Они отражают
жизнь, мысли и чувства народа
в конкретные исторические
условия. Народная проза
является основой для создания
художественной литературы.
Она содержит в себе все
лучшее, что создано народом
в области прозаического
искусства. Народная проза
является неиссякаемым источником
для писателей и поэтов.
Она является основой для
создания новой литературы.
Народная проза является
важнейшим элементом культуры
любого народа. Она является
основой для создания
художественной литературы.
Народная проза является
важнейшим элементом культуры
любого народа. Она является
основой для создания
художественной литературы.

(Продолжение следует)

